

Рец. на кн.: RYAN CALDER. *THE PARADOX OF ISLAMIC FINANCE: HOW SHARIAH SCHOLARS RECONCILE RELIGION AND CAPITALISM.*
Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2024. 347 p.

Илья Сергеевич Крапивин

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Krapivin585@gmail.com

Аннотация: Книга Райана Калдера посвящена «парадоксу» исламских финансов, выраженному в том, что нормы мусульманского права запрещают ряд распространенных контрактов и денежных операций, но в то же время не препятствуют финансовой индустрии и ее клиентам успешно существовать в условиях капиталистической конкуренции и рыночных требований. Опираясь на многочисленные интервью с экспертами в области исламского банковского дела, автор исследует историю и устройство институтов исламских финансов с особым вниманием к шариатским советам — органам, в которых религиозные эксперты оценивают соответствие финансовых продуктов нормам ислама. Основное повествование книги Калдера посвящено тому, как исламские финансисты избегают ростовщичества (риба) за счет усложнения транзакций и имитации долговых контрактов и как на это влияют дискуссии между теологами, выступающими за разные проекты исламского банкинга. Автор показывает, что шариатские советы играют ключевую роль в становлении исламских финансов, суть которых формулируется внутри этих советов в ходе толкований и интерпретаций исламских норм по отношению к экономической деятельности. За счет этого шариат в контексте исламских финансов функционирует как динамическая система норм, формируемая в результате экспертной работы на стыке исламского права и финансового аудита.

Ключевые слова: антропология ислама, исламские финансы, антропология религии, исламский банкинг.

Для цитирования: Крапивин И. Рец. на кн.: Ryan Calder. *The Paradox of Islamic Finance: How Shariah Scholars Reconcile Religion and Capitalism.* Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2024. 347 p. // *Антропологический форум.* 2025. № 66. С. 288–297.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-288-297

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/krapivin.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 66

A Review of RYAN CALDER, *THE PARADOX OF ISLAMIC FINANCE: HOW SHARIAH SCHOLARS RECONCILE RELIGION AND CAPITALISM.*
Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2024, 347 p.

Ilia Krapivin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Krapivin585@gmail.com

Abstract: Ryan Calder's book explores the "paradox" of Islamic finance, where the principles of Islamic law impose restrictions on financial contracts and transactions, while at the same time having to adapt to the reality of capitalist competition and market demands. Drawing on extensive interviews with experts in the field of Islamic finance, the author examines the historical development and institutional structure of Islamic finance. Calder focuses on the role of Shariah boards in the functioning of Islamic banks in Saudi Arabia and Pakistan — bodies in which religious experts assess the conformity of financial products with Islamic norms. The study highlights the strategies employed by Islamic financiers to avoid usury (riba) through complex transaction structures that mimic conventional debt contracts. Additionally, the book delves into the scholarly debates surrounding different models of Islamic banking, offering insights into the divergent approaches advocated by Shariah scholars. The author shows that Shariah boards play a key role in determining what constitutes Islamic finance, since Islamic norms are formulated through interpretation and reasoning within these boards. As a result, Shariah in the context of Islamic finance emerges as a dynamic system of norms shaped by expert work at the intersection of Islamic law and financial auditing.

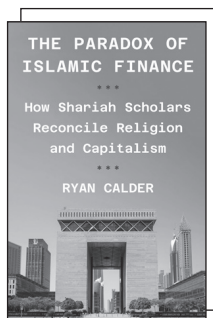
Key words: anthropology of Islam, Islamic finance, anthropology of religion, Islamic banking.

To cite: Krapivin I., 'A Review of Ryan Calder, *The Paradox of Islamic Finance: How Shariah Scholars Reconcile Religion and Capitalism.* Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2024, 347 p.', *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 66, p. 288–297.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-288-297

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/krapivin.pdf>

Рец. на кн.: **Ryan Calder. *The Paradox of Islamic Finance: How Shariah Scholars Reconcile Religion and Capitalism***. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2024. 347 p.

Книга Райана Калдера посвящена «парадоксу» исламских финансов, выраженному в том, что нормы мусульманского права запрещают ряд распространенных контрактов и денежных операций, но в то же время не препятствуют финансовой индустрии и ее клиентам успешно существовать в условиях капиталистической конкуренции и рыночных требований. Опираясь на многочисленные интервью с экспертами в области исламского банковского дела, автор исследует историю и устройство институтов исламских финансов с особым вниманием к шариатским советам — органам, в которых религиозные эксперты оценивают соответствие финансовых продуктов нормам ислама. Основное повествование книги Калдера посвящено тому, как исламские финансисты избегают ростовщичества (*riba*) за счет усложнения транзакций и имитации долговых контрактов и как на это влияют дискуссии между теологами, выступающими за разные проекты исламского банкинга. Автор показывает, что шариатские советы играют ключевую роль в становлении исламских финансов, суть которых формулируется внутри этих советов в ходе толкований и интерпретаций исламских норм по отношению к экономической деятельности. За счет этого шариат в контексте исламских финансов функционирует как динамическая система норм, формируемая в результате экспертной работы на стыке исламского права и финансового аудита.

Ключевые слова: антропология ислама, исламские финансы, антропология религии, исламский банкинг.

Проблематика отношений между религиозными запретами и капиталистической логикой в исламском банкинге становится отправной точкой для книги Райана Калдера, доцента социологии в Университете Джонса Хопкинса. Рецензируемая книга опубликована в 2024 г. издательством Princeton University Press и отражает научные интересы автора, сосредоточенные на анализе глобального капитализма, потребления, финансов, ислама и моральной экономики.

Фокус Калдера достаточно традиционен для изучения исламских финансов. Социолог формулирует его в небольшой этнографической зарисовке: «У меня были одни и те же разговоры десятки раз, часто в самолетах. Когда граждане государств с мусульманским меньшинством слышат, что я изучаю исламские финансы, большинство задают один и тот же вопрос: “Что делает финансы исламскими?”» (Р. 101). Калдер рассказывает

своим собеседникам о том, как исламские банки избегают процентов. «Сначала я набрасываю на салфетке методы финансирования PLS (*Profit and loss sharing*), которые используют исламские банки и которые сильно отличаются от обычной банковской практики» (Р. 102), — продолжает автор. Несмотря на существование PLS, в исламских финансах куда более распространены контракты, имитирующие экономический эффект процентов. Услышав о них, собеседники Калдера задают закономерный вопрос: «Чем это отличается от процентов?» Вопрос о том, что делает финансы исламскими, стал классическим для исследований в этой области и, таким образом, остается открытым и недостаточно разработанным, особенно с учетом сравнительно небольшого числа антропологических работ, посвященных исламским финансам. Ключ к ответу на него, как показывает Калдер, заключается не просто в нормативных предписаниях религии, а в работе тех, кто эти нормы интерпретирует. Основной исследовательский вопрос автор формулирует следующим образом: как исламские финансовые практики приобретают легитимность благодаря деятельности шариатских ученых (*shariah scholars*), работающих на стыке исламского права и финансового аудита?

Впервые Калдер столкнулся с исламскими финансами в 2004 г., когда был двадцатипятилетним бизнес-аналитиком в дубайском офисе консалтинговой компании по управлению брендами. Компанию, в которой работал исследователь, нанял Национальный коммерческий банк Саудовской Аравии (NCB) для участия в проекте по построению модели, оценивающей прибыльность счетов клиентов банка. В ходе работы Калдера поразила сумма в почти миллиард долларов в саудовских риалах, которая лежала на обычном счету, не приносящем процентов. Для исследователя, знакомого с финансовой практикой банков в США, эта ситуация выглядела абсолютно аномальной — клиенты, обладающие такими денежными средствами, как правило, вкладывали их в те финансовые инструменты, которые обеспечивали им доход.

Спустя некоторое время автор поступил в социологическую аспирантуру Калифорнийского университета в Беркли, заинтересовался исламом и выбрал мусульманские финансы в качестве темы диссертации. С 2013 по 2023 г. Калдер и его ассистенты собрали 291 интервью с экспертами в области исламских финансов: банкирами, менеджерами и шариатскими учеными, работающими в качестве консультантов в финансовых организациях; с представителями правительств и государственных органов, регулирующих исламский банкинг; с исследователями, специализирующимися на мусульманской экономике.

Калдер делает акцент на том, что его работа охватила широкий круг мусульман разного ранга и возраста из двадцати стран, преимущественно из Пакистана, Саудовской Аравии, Малайзии, Объединенных Арабских Эмиратов и Великобритании. Две трети интервью были проведены в Пакистане и Саудовской Аравии, что объясняет, почему в монографии значительное место занимает описание банковской системы в этих странах. Анализ интервью сопровождается этнографическими заметками, сделанными автором и его ассистентами при посещении отделений исламских банков.

Книга состоит из семи глав: “Origins”, “Ethics”, “Profitability”, “Legitimation”, “Justification”, “Restriction”, “State and Society”. Лаконичные названия глав книги отражают намерение автора описать обобщенную картину устройства исламского банкинга, сопровождая ее конкретными примерами функционирования банков в Пакистане и Саудовской Аравии. Темы, на которые исследователь беседовал со своими информантами, были достаточно общими и широкими: «различия между управлением или работой в исламских финансовых учреждениях по сравнению с “обычными” (т.е. неисламскими); различия между национальными рынками исламских финансов; структурирование, маркетинг, продажа, мониторинг соответствия нормам шариата и кредитный рейтинг исламских финансовых инструментов; ранняя история исламских финансов и ее эволюция с течением времени; взгляды практиков на своих клиентов и заказчиков; опыт работы интервьюируемых с шариатскими учеными; карьерные траектории интервьюируемых в отрасли» (Р. 273).

Ценность книги заключается в том, что фундаментальные работы об исламских финансах представлены в основном трудами экономистов [Беккин 2009; Visser 2019]. Примеры антропологических и социологических исследований по этой теме немногочисленны, хотя среди них можно отметить монографию Тимура Курана об исламских финансах в Пакистане и исламистском движении [Kuran 2004] и работу Даромира Рудницкого, посвященную исламским финансам в Малайзии [Rudnyskyj 2018]. Таким образом, Калдер решает две академические задачи: систематизирует основные принципы исламского банкинга и предлагает анализ роли шариатских ученых в его становлении и функционировании. Исследователя интересует «парадокс» исламских финансов — то, как в условиях современного капитализма шариатские ученые изобретают способы получения прибыли, которые не нарушали бы религиозного запрета на ростовщичество. Они предлагают альтернативные финансовые инструменты, с одной стороны, имитирующие долговые неисламские контракты ради прибыльности, а с другой — содержа-

щие ряд ограничений, которые обходятся банкам в реальные деньги и время.

Для большинства клиентов выбор исламских финансов определяется прагматическими факторами — помимо религиозной составляющей, исламские финансы стремятся обеспечивать своим клиентам рыночную доходность, близкую к неисламским аналогам. Однако есть группы мусульман, воспринимающие исламские финансы не только в качестве удобного способа избежать ростовщичества, но и как один из основных принципов «фикх¹-ориентированного благочестия». Калдер утверждает, что для них исламские финансы стали «формой жизни», позволяющей соединить религиозную добродетель с экономической деятельностью за счет скрупулезного следования предписаниям шариатских ученых. Интерпретация этого сюжета близка аналитическим заключениям других антропологов, работающих с похожим материалом. Так, Даромир Рудницкий использует термин «рыночный ислам», чтобы обозначить различные способы, которыми мусульмане примиряют религиозную практику с капитализмом [Rudnyskyj 2010]. Оливье Руа понимает появление и распространение подобных стратегий поведения как процесс «индивидуализации ислама» [Ruа 2018]. Он прослеживает, как в отсутствие внешнего религиозного контроля верующие сами определяют, как соблюдать предписания шариата, интерпретировать и претворять в действие богословские фетвы. Этот процесс, согласно Руа, расширяет сферу действия ислама на новые области жизни, включая современные практики потребления. Монография Калдера выводит на свет институт экспертов, который задает повседневной экономической деятельности мусульман конкретные формы и их обоснование.

Существует несколько основных мусульманских финансовых операций, которые условно можно поделить на две группы. Первая представляет собой долговые контракты, такие как *мурабаха*, *таваррук* и *иджара*. Мурабаха и таваррук похожи на кредиты: заключая мурабаха, клиент приобретает товар в рассрочку, а при таварруке получает сразу деньги. Иджара — договор, имитирующий принципы лизинга, по условиям которого после окончания срока аренды имущество переходит в собственность арендатора чаще всего за символическую сумму или по отдельному соглашению.

По своей сути, эти операции схожи с неисламскими, но за счет усложнения транзакций и соблюдения ряда ограничений шариатские ученые приводят их в соответствие с шариатом. Кал-

¹ Фикх — исламская правовая наука, которая занимается интерпретацией и применением шариата на практике.

дер показывает, что они формулируют такую структуру сделки, которая учитывает запрет на ростовщичество (*риба*), даже если ее экономический эффект оказывается схож с обычным кредитом. Например, при мурабаха банк сначала выкупает товар у продавца, а затем перепродает его клиенту с наценкой, оговоренной заранее. Таким образом, речь идет не о выдаче денег под проценты, а о продаже товара с отсрочкой платежа, что делает сделку не кредитной, а торговой.

Другая категория операций, которую Калдер именует PLS (*Profit and loss sharing*), предполагает не столько долговой, сколько долевого характер. В эту группу входят контракты *мудараба* и *мушарака*, которые подобны венчурному финансированию, но предполагают обязательное разделение рисков между инвестором и исполнителем. Исследователь подчеркивает, что на заре становления исламских банков именно PLS-операции должны были стать флагманами мусульманских финансов, потому как они следуют замыслу шариата (*макасид аш-Шариа*) — соразмерному распределению рисков и однозначному избеганию *риба*, чаще всего вытекающему из долговых отношений.

Разный характер этих контрактов — долговой и долевого — становится предметом споров среди мусульман, заинтересованных в создании исламских финансов. Калдер выделяет две противоборствующие группы с разными представлениями о сущности исламского банкинга — шариатских ученых (*shariah scholars*) и «моральных экономистов» (*moral economists*). Первые — это эксперты, которые непосредственно вовлечены в процесс сертификации, аудита и разработки стандартов исламских финансовых операций. Вторые преимущественно представлены членами академического сообщества, преподавателями и теоретиками, разрабатывающими нормативные модели исламской экономики. Они критикуют шариатских ученых за то, что те подходят к исламским финансам формалистски, подчиняя их капиталистической логике. По мнению «моральных экономистов», исламские финансы должны стремиться к более справедливому распределению ресурсов, а не к моделированию процентных сделок.

Калдер пишет, что в глобализированных исламских финансах победу одержала позиция шариатских ученых, так как они, используя свой религиозный авторитет и социальный капитал, смогли привести систему исламских финансовых операций в соответствие с капиталистической логикой и тем самым удовлетворить запросы клиентов и на религиозное благочестие, и на эффективное и выгодное банковское обслуживание. Добиться существенных успехов в этом противостоянии им помогла бюрократизация шариатской экспертизы — разработка единых

финансовых стандартов, введение процедуры аудита деятельности финансовых организаций и выдача сертификатов о соответствии шариату сделок, проводимых этими структурами.

«Капиталистические исламские финансы представляют собой не просто господство бюрократии, сертификации, индивидуализации и деполитизации, а триумф “холодных страстей” расчетливой рациональности (будь то исламский легализм или максимизация прибыли) над “горячими страстями” религиозного рвения» (Р. 264), — заключает исследователь. Калдер утверждает, что легкость бюрократизации исламского благочестия обусловлена тем, что современная экономика в глобальном масштабе уже регулируется множеством светских законов, поэтому религиозные предписания и правила становятся всего лишь дополнительной правовой нормой. С этим сложно не согласиться, так как требования AAOIFI (Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions), авторитет которых признают исламские финансисты во всем мире, во многом настраиваются на более «универсальный» и широко распространенный стандарт IFRS (International Financial Reporting Standards), утверждающий правила построения светской финансовой отчетности.

Тем не менее следует обратить внимание на то, что выстраиваемая Калдером дихотомия шариатских ученых и «моральных экономистов» достаточно условна, так как сторонникам максимизации прибыли и имитации процентов отнюдь не чужды аргументы об особом этическом статусе исламских финансов. Создается впечатление, что автор приписывает апелляцию к моральному характеру исламской экономики только оппонентам шариатских ученых. Однако и шариатские ученые обнаруживают и артикулируют этический компонент финансовых операций, которые имитируют процентные отношения.

Российские работники сферы исламских финансов, рассказывая мне о преимуществах мурабаха перед обычным кредитом, нередко ссылались на этичность мусульманского контракта. Она заключается в том, что мурабаха не предполагает сверхурочных выплат, например неустоек за неуплату долга. Сумма в договоре имеет конечный характер и не может меняться. Другими словами, клиент не будет платить дополнительные проценты, воспринимающиеся как *риба*. Вопрос о моральности наценки как таковой не ставится, так как транзакция похожа по своему принципу на торговлю, в рамках которой естественно покупать товар дешевле и продавать его дороже. Это говорит о несколько ином понимании процента: не столько как приращения изначальной стоимости, сколько как дополнительной наценки вне договора. По этой причине деятельность шариатских уче-

ных, бюрократизировавших исламские финансы, тоже можно назвать формой моральной экономики, пусть и отличной от той, которую отстаивают «моральные экономисты» у Калдера. Мусульмане-финансисты неизменно сообщают о том, что не продают долги коллекторам, пытаются найти индивидуальный подход, «вникнуть» в положение дел клиента и предлагают маленькие по объему и прозрачные контракты без «мелкого шрифта». Эти проявления моральности мурабаха в совокупности с утверждением о неизменности суммы долга из договора оказываются незаметными, если понимать исламский долговой контракт исключительно как аналог кредита.

Присутствует еще ряд вопросов, которым автор уделяет меньше внимания, например адаптации исламских финансов к секулярным законам и в целом законодательному регулированию мусульманской финансовой сферы. В российском контексте этот вопрос актуален, так как исламские финансы в стране находятся на стадии зарождения, претерпевая бюрократическую трансформацию по модели стран Персидского залива. Размышляя о симбиозе исламского финансирования и капиталистической экономики, Калдер как будто упускает из виду, что текущая экономическая система во многом опирается не только на различные подспудные капиталистические принципы, вроде максимизации прибыли, но и на секулярные законодательства, лежащие в основе правовых систем немусульманских стран. Хотя Калдер указывает, что исламские финансовые нормы легче бюрократизируются именно потому, что они сформулированы с учетом уже существующих секулярных стандартов отчетности и аудита, он мало говорит о сложности этого процесса в немусульманских странах, исключающих проникновение религиозной этики в сферу производства нормативных документов. По этой причине исламским финансам приходится не только мириться с капиталистическими максимумами, но и встраивать себя в прокрустово ложе существующих светских законов. Примечательно, что в тексте российского законопроекта об эксперименте по исламским финансам, принятого в 2023 г., ни слова не говорится про соответствие договоров и денежных операций шариатским нормам. Вместо этого авторы закона вводят понятие «партнерское финансирование», хотя в пресс-релизах и дискуссиях все же ссылаются на ислам¹. Несмотря на некоторую синонимичность мусульманских и традиционных финансовых операций, у сотрудников российских исламских банков возникают трудности с «переводом» узаконенных финансовых операций на язык мусульманских контрактов. Этот пример

¹ См., например, стенограммы обсуждений закона о партнерском финансировании: [Стенограммы обсуждений 2023].

демонстрирует напряжение между религией и секулярным законодательством, свойственное странам с мусульманским меньшинством. Подобные сюжеты остаются за рамками исследования Калдера ввиду того, что его основное поле прошло в странах с мусульманским большинством.

Достаточно фрагментарно упоминаются в исследовании и криптовалюты. Биткоину и дискуссиям о статусе криптовалютных активов исследователь уделяет несколько абзацев, хотя эта тема продолжает быть актуальной и часто сопровождается жаркими дебатами в среде мусульманских инвесторов. Ключевое разногласие состоит в том, что некоторые шариатские эксперты признают криптовалюты спекулятивным активом, нарушающим запрет на *майсир* — азарт или неоправданный риск. Криптовалюты, как и фондовые биржи, по их мнению, попадают под это определение из-за своей волатильности. Этот сюжет показывает еще одну функцию, которую выполняют шариатские ученые. Они не только создают параллельные финансовые инструменты, основанные на принципах шариата, но и выступают своего рода арбитрами, определяя дозволенность или недозволенность стандартных финансовых инструментов, включая криптовалюты или акции.

Несмотря на вышеупомянутые пробелы в изложении, книга “The Paradox of Islamic Finance: How Shariah Scholars Reconcile Religion and Capitalism” вносит важный вклад в изучение исламских финансов за счет широты географического охвата исследования и масштаба полевой работы, проведенной автором. Отдельно необходимо отметить живость академического слога Райана Калдера, который разбавляет курьезными этнографическими зарисовками серьезное повествование о спорах исламских финансистов. Все это делает книгу полезной как для исследователей, занимающихся исламской экономикой, так и для более широкой аудитории, интересующейся взаимодействием религиозных и экономических систем.

Источники

[Стенограммы обсуждений] Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 198584-8 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». 2023. <<https://sozd.duma.gov.ru/bill/198584-8>>.

Библиография

Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М.: ИД Марджани, 2009. 337 с.

- Руса О. Глобализированный ислам: поиск новой уммы / Пер. с англ. В.И. Кузнецова. М.: Фонд имени Ш. Марджани, 2018. 338 с.
- Kuran T. Islam & mammon: The Economic Predicaments of Islamism. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2004. 194 p.
- Rudnyckyj D. Market Islam in Indonesia // Osella F., Soares B. (eds). Islam, Politics, & Anthropology. Chichester: Wiley-Blackwell, Royal Anthropological Institute of Great Britain & Ireland, 2010. P. 175–193.
- Rudnyckyj D. Beyond Debt: Islamic Experiments in Global Finance. Chicago, IL; London: University of Chicago Press, 2018. 288 p.
- Visser H. Islamic Finance: Principles and Practice. 3rd ed. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2019. 296 p.

Илья Крапивин

A Review of Calder R., *The Paradox of Islamic Finance: How Shariah Scholars Reconcile Religion and Capitalism*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2024, 347 p.

Ilia Krapivin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Krapivin585@gmail.com

Ryan Calder's book explores the "paradox" of Islamic finance, where the principles of Islamic law impose restrictions on financial contracts and transactions, while at the same time having to adapt to the reality of capitalist competition and market demands. Drawing on extensive interviews with experts in the field of Islamic finance, the author examines the historical development and institutional structure of Islamic finance. Calder focuses on the role of Shariah boards in the functioning of Islamic banks in Saudi Arabia and Pakistan — bodies in which religious experts assess the conformity of financial products with Islamic norms. The study highlights the strategies employed by Islamic financiers to avoid usury (riba) through complex transaction structures that mimic conventional debt contracts. Additionally, the book delves into the scholarly debates surrounding different models of Islamic banking, offering insights into the divergent approaches advocated by Shariah scholars. The author shows that Shariah boards play a key role in determining what constitutes Islamic finance, since Islamic norms are formulated through interpretation and reasoning within these boards. As a result, Shariah in the context of Islamic finance emerges as a dynamic system of norms shaped by expert work at the intersection of Islamic law and financial auditing.

Keywords: anthropology of islam, islamic finance, anthropology of religion, islamic banking.

References

- Bekkin R. I., *Islamskaya ekonomicheskaya model i sovremennost* [The Islamic Economic Model and Modernity]. Moscow: Marjani Publishing House, 2009, 337 p. (In Russian).
- Kuran T., *Islam & mammon: The Economic Predicaments of Islamism*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2004, 194 p.
- Roy O., *Globalizirovannyy islam: poisk novoy ummy* [Globalized Islam: The Search for a New Ummah]. Moscow: Marjani Publishing House, 2018, 338 p. (In Russian).
- Rudnyckyj D., 'Market Islam in Indonesia', Osella F., Soares B. (eds), *Islam, Politics, Anthropology*. Chichester: Wiley-Blackwell; Royal Anthropological Institute of Great Britain & Ireland, 2010, p. 175–193.
- Rudnyckyj D., *Beyond Debt: Islamic Experiments in Global Finance*. Chicago, IL; London: University of Chicago Press, 2018, 288 p.
- Visser H., *Islamic finance: Principles and Practice*, 3rd ed. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2019, 296 p.